

А. Г. Брикнер

**Новые издания по вопросу о начале
Семилетней войны. .**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Г. Брикнер**
Новые издания по вопросу о начале Семилетней войны. / А. Г. Брикнер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 73 с.

ISBN 978-5-4241-4573-5

ISBN 978-5-4241-4573-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

I.

Leopold Ranke. Der Ursprung des siebenjährigen Krieges. (Л. Ранке. Начало Семилѣтней войны). Leipzig. 1871.

Въ послѣднее время многіе изъ нѣмецкихъ историковъ приобрѣли нѣкоторое значеніе въ политической жизни. Дрейзенъ, Дальманнъ, Гервинусъ и пр. играли довольно важную роль въ исторіи Франкфуртскаго парламента 1848 года. Другіе, какъ напримѣръ, Гейссера, Трейчке, Ренель (Röpell), довольно часто были членами законодательныхъ собраній, участвовали въ публицистикѣ, были представителями политическихъ партій. Однако знаменитѣйшій изъ нѣмецкихъ историковъ, Ранке, оставался почти совершенно чуждымъ участію въ политическихъ дѣлахъ. Хотя онъ и состоялъ въ 1848 г. членомъ Франкфуртскаго парламента, но съ тѣхъ поръ исключительно былъ занятъ учеными трудами.

Ранке, какъ мы уже не разъ говорили, отличается отъ многихъ другихъ историковъ объективностью. Его, по видимому, мало интересуютъ политическіе вопросы, занимавшіе или занимающіе историковъ Гейдельбергской школы — Шлоссера, Гервинуса, Гейссера, Трейчке. Въ глубокой тишинѣ своего кабинета онъ изучаетъ прошедшее; отсюда онъ по возможности безпристрастно наблюдаетъ за событиями настоящаго, являясь спокойнымъ зрителемъ, восмоулятомъ, чуждымъ участіемъ національнаго чувства, и равнымъ образомъ внимательно слѣдитъ за развитіемъ всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ.

Только одно изъ прежнихъ сочиненій этого историка можетъ считаться нѣсколько односторонне-патріотическимъ, а именно его „Neun

Bücher preussischer Geschichte“ (въ трехъ томахъ). Всѣ другія, напротивъ того, написаны въ духѣ безусловнаго космополитизма.

Тѣмъ болѣе достойно вниманія то обстоятельство, что важныя событія 1870 и 1871 годовъ заставили его посвятить себя изученію одного изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ изъ исторіи Пруссіи, а именно, изслѣдованію причинъ Семилѣтней войны. При общемъ волненіи въ Германіи по случаю разрыва между Франціей и Пруссіей, при живомъ участіи, которое принимали въ этихъ событіяхъ профессора и студенты германскихъ университетовъ, Ранке, не разставаясь впрочемъ со своими учеными занятіями, далъ имъ направленіе, соотвѣтствовавшее духу современной политики. Въ предисловіи къ своему послѣднему труду онъ говоритъ въ этомъ отношеніи слѣдующее: „Послѣ открытія военныхъ дѣйствій въ 1870 году настало время, въ продолженіи котораго невозможно было обратить вниманіе на что-либо, не состоявшее въ связи съ этою войною. Въ виду рѣшавшейся чрезъ объявленную Франціей Пруссіи войну судьбы Германіи и Европы, взоръ историка обратился къ тѣмъ событіямъ отдаленнаго времени, которыя подготовили такое столкновеніе, а именно, къ войнѣ 1756 года. Очевидно, послѣдняя не началась бы безъ союза Франціи съ Австріей.... Я не могу не сознаться въ томъ, что въ то время, когда молодое поколѣніе готовилось къ участію въ войнѣ, во время новаго разрыва, я возвратился къ занимавшему меня уже когда-то предмету, потому что послѣдній состоялъ въ соотношеніи съ начавшеюся громадною борьбою. Этимъ я могъ заняться. Соотвѣтствіе событій дѣлало менѣ чувствительнымъ различіе эпохъ“.

Дѣйствительно, изучая новѣйшее сочиненіе Ранке, нельзя не замѣтить аналогіи между войнами 1870 и 1756 г. И при Фридрихѣ II, и въ настоящее время война рѣшила вопросъ о значеніи Пруссіи въ Европѣ. Хотя въ 1756 году, при недостаточномъ развитіи политическомъ состояніи Германіи, нельзя было думать объ общемъ устройствѣ германскихъ дѣлъ путемъ прусской гегемоніи, тѣмъ не менѣ возвышеніе Пруссіи до степени первоуластной державы уже предвѣщало коренную перемѣну въ устройствѣ Германіи. Уже тогда можно было предвидѣть, что центръ тяжести германскаго политическаго организма перейдетъ отъ Австріи въ Пруссію. Чрезъ приобрѣтеніе Силезіи Пруссія уже получила нѣкоторый перевѣсъ надъ Австріей; война 1756 года была попыткою со стороны враждебныхъ Пруссіи державъ лишить послѣднюю значенія, приобрѣтеннаго ею въ ряду германскихъ и европейскихъ державъ. Сто-десять лѣтъ спустя, со-

битія 1866 года были первыми значительными шагами въ окончательному рѣшенію германскаго вопроса. Война же 1870 года была попыткою Франціи воспрепятствовать этому окончательному устройству Германіи. Обѣ попытки оказались неудачными. Важнымъ условіемъ для дальнѣйшаго политическаго развитія Германіи было то обстоятельство, что, не смотря на всѣ затрудненія и опасности, въ Семилѣтней войнѣ Пруссія успѣла въ борьбѣ съ большинствомъ Европы. Подобно тому въ послѣдней войнѣ успѣхи германскаго оружія были условіемъ образованія Германской имперіи. Для Франціи въ новѣйшее время битва при Садовой казалась такимъ же ударомъ, какимъ была потеря Силезіи для Австріи въ половинѣ XVIII столѣтія. Торжество Пруссіи и тогда, и теперь было для Европы событіемъ чрезвычайной важности.

Въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій Ранке собиралъ матеріалы для исторіи событій 1756 года. Неоднократно посѣщалъ онъ Англію, въ архивахъ и бібліотекахъ которой изучалъ исторію сближенія Англій съ Пруссіей. Уже въ 1848 г., находясь въ Парижѣ, онъ, благодаря покровительству, оказанному ему министромъ исторіекомъ Гизо и директоромъ государственнаго архива Минье изучалъ реляціи герцога Нивернуа, бывшаго въ 1756 году французскимъ посланникомъ въ Берлинѣ. Равнымъ образомъ, съ давнихъ уже поръ ему были известны изъ Берлинскаго архива, между прочимъ, дѣловыя бумаги кабинетныхъ министровъ Фридриха Великаго, Подевицка (Podewils) и Финкенштейна. За то лишь въ самое послѣднее время Ранке имѣлъ возможность познакомиться съ содержаніемъ весьма важныхъ документовъ, относящихся къ вопросу о разрывѣ 1756 года и находящихся въ Вѣнскихъ архивахъ. Австрійскіе архивариусы, а между ними главнымъ образомъ Арнетъ и Вольфъ, въ послѣднее время наметали богатая коллекція документовъ, весьма важныхъ при изученіи исторіи царствованія Маріи Терезіи, Іосифа II и пр. Такъ, напримѣръ, Ранке при изученіи своего предмета съ большимъ успѣхомъ могъ пользоваться данными, заключавшимися въ сочиненіи Арнета: „Maria Theresia nach dem Erbfolgekriege“. Изъ бумагъ, найденныхъ самимъ Ранке въ Вѣнскомъ государственномъ архивѣ, гдѣ онъ работалъ осенью 1870 года¹⁾, особенно богатыми содержаніемъ оказались до-

¹⁾ Разказываютъ, что Ранке встрѣтился въ Вѣнѣ съ выѣздившимъ президентомъ французской республики, съ которымъ съ давнихъ поръ была знакомъ, какъ съ ученымъ историкомъ. Тьеръ тогда путешествовалъ по Европѣ въ надеждѣ достиженія мира для Франціи на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Оба

несенія австрійскаго посланника въ С.-Петербургъ, Эстергази. Изъ этихъ дописокъ видно, какъ въ Петербургскомъ кабинетѣ появилась и развивалась мысль объ участіи въ войнѣ Австріи противъ Пруссіи.

Исторія начала Семилѣтней войны, говоритъ Ранке, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія большаго европейскаго кризиса. Изображеніе послѣдняго представляетъ затрудненія именно потому, что нельзя разкавать иначе, какъ поочередно, всѣ тѣ событія, которыя совершились не поочередно, а одновременно. Въ своемъ сочиненіи Ранке раздѣляетъ весь матеріалъ на слѣдующія группы. Онъ сначала говоритъ о Силесскихъ войнахъ, а затѣмъ объ отношеніяхъ между Англійей и Франціей, между Австріей и Англійей и между Австріей и Франціей. Далѣе слѣдуетъ разказъ объ образѣ мыслей Фридриха II, о заключеніи союза между Прусскимъ королемъ и Англійей, о пребываніи герцога Нивернуа въ Берлинѣ, о сближеніи между Австріей и Франціей, объ отношеніяхъ Россіи къ этимъ державамъ, о заключеніи Версальскаго договора и о томъ, какъ этотъ договоръ поддѣйствовалъ на образъ дѣйствій Англии и Пруссіи. Наконецъ, доводится уже о разрывѣ и открытіи военныхъ дѣйствій.

Въ важнѣйшемъ изъ этихъ вопросовъ должно отнести образъ дѣйствій Версальскаго кабинета, находившагося въ началѣ царствованія Фридриха II въ союзѣ съ Пруссіей, и затѣмъ, въ 1756 году, промѣнявшаго этотъ союзъ на тѣсную дружбу съ Австріей. Такая перемена сильно поддѣйствовала на всѣ европейскія дѣла.

Ранке указываетъ на вѣковую борьбу между Англійей и Франціей, имѣвшую въ XVIII вѣкѣ общенсторическое значеніе уже потому, что рѣшеніемъ вопроса о преобладаніи той или другой державы обуславливалось преобладаніе германскаго или романскаго племени въ Сѣверной Америкѣ, въ Вестиндіи и Остиндіи. Борьба эта была тѣмъ серьезнѣе, что Франція хотя и приближалась уже къ странному кризису и страдала отъ всевозможныхъ недостатковъ стараго порядка, все еще располагала весьма значительными средствами въ внѣшней политикѣ и имѣла большое значеніе чрезъ свою обширную колониальную систему. Произведенія французскихъ колоній, напримѣръ, сахаръ и индиго, являлись на всѣхъ рынкахъ; рыбныя ловли Фран-

историка однажды обѣдали вмѣстѣ. Беседа наконецъ коснулась и политики. «Противъ кого вы сражаетесь?» спросилъ французскій дипломатъ-историкъ нѣмецкаго ученаго, указывая на удаленіе Наполеона, какъ главнаго виновника войны. «Противъ Людовика XIV», спокойно возразилъ историкъ-дипломатъ, Ранке.

цуюсь находились въ цвѣтущемъ состояніи. Сношенія Франціи съ ея колоніями были особенно оживленны; торговля съ Гвинеей находилась въ рукахъ Французовъ; при устьѣ рѣки Сенегала находилась важная французская крѣпость Сентъ-Луи (St.-Louis); французская Левантская компанія занималась самыми выгодными коммерческими дѣлами; французскіе шкиперы успѣшно соперничали съ англійскими въ Сирин; французскія мануфактурныя издѣлія на рынкахъ Константинополя и Смирны дѣйствились выше англійскихъ. Къ тому же Франція сохранила еще важное политическое значеніе въ Европѣ, поддерживала, напримѣръ, сильную партію въ Швеціи, имѣла большое вліяніе на дѣла въ Польшѣ, состояла въ связи со многими государствами въ Германіи, представлявшей часто самыя благоприятныя условія для распространенія вѣса и усиленія Франціи въ обще-европейскихъ дѣлахъ. Со времени присоединенія Лотарингии и Эльзаса къ Франціи, эта послѣдняя держава привыкла смотрѣть на Германію какъ на страну, заключающую въ себѣ матеріалъ для ея территориальнаго увеличенія.

При такомъ положеніи и значеніи Франціи вопросъ о томъ, будетъ ли она союзницей Австріи или Пруссіи, могъ считаться роковымъ для всей Европы, въ особенности же для Германіи. Съ давнихъ поръ существовалъ антагонизмъ между Габсбургскою династіей и Франціей. Борьба между ними продолжалась нѣсколько вѣковъ; и верхняя Италия, и западная Германія, и Нидерланды, и даже Испанія были театромъ постоянно возобновлявшихся войнъ между Франціей и Австріей. Знаменитѣйшіе министры и полководцы обѣихъ державъ употребляли лучшую долю своихъ способностей, силъ и средствъ для этой борьбы. Сама Марія-Терезія испытала значеніе этой вражды въ то время, когда въ началѣ ея царствованія возникъ вопросъ объ австрійскомъ наследствѣ и повелъ къ войнѣ, въ продолженіе которой Марія-Терезія лишилась Силезіи. Тогда именно Франція содѣйствовала къ униженію Австріи.

Если принять въ соображеніе всѣ эти происшествія до 1756 года, нельзя не удивляться важной пережвѣнѣ, случившейся предъ началомъ Семилѣтней войны. Ранке посвящаетъ исторіи сближенія Австріи съ Франціей три главы своего сочиненія (8-ю, 10-ю и 11-ю) и подробно разсказываетъ объ образѣ дѣйствій австрійскихъ и французскихъ министровъ и дипломатовъ. Въ Австріи появилась мысль о возможности пріобрѣсти вновь Силезію съ помощью Франціи. Для этой цѣли австрійскій посланникъ во Франціи, графъ Штарембергъ, открылъ переговоры съ аббатомъ Берни, бывшимъ тогда члѣномъ въ родѣ

министра иностранныхъ дѣлъ во Франціи, и съ маркизомъ Помпадуръ, вліяніе которой при французскомъ дворѣ заставило и графа Кауница обратиться также къ этой женщинѣ съ письмами, въ которыхъ предлагались дружба и союзъ Австріи. Подробности объ этихъ бесѣдахъ и перепискахъ, въ которыхъ обнаруживается необыкновенное дипломатическое искусство дѣйствующихъ лицъ, весьма привлекательно разказаны въ сочиненіи Ранке, при чемъ указывается на то, что австрійскій кабинетъ, сближаясь съ Франціей, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на интересы Германіи.

Что касается до переговоровъ между Австріей и Франціей, то Ранке, благодаря тщательности своихъ исследованийъ, былъ въ состояніи опровергнуть общепринятое и повторенное во множествѣ книгъ преданіе, будто жажда мести и желаніе возратить себѣ Силезію заставили Марію-Терезію забыть достоинство своего происхожденія и чистоту своего характера до того, что она написала письмо къ маркизу Помпадуръ, въ которомъ назвала ее „своею любезною кувшиной“, и что очарованная этимъ письмомъ маркиза, склонилъ Людовика XV къ войнѣ противъ Фридриха Великаго. Дѣло въ томъ, что Марія-Терезія никогда не писала такого письма, а ограничиваясь отращиваніемъ къ маркизу Помпадуръ кое-какихъ неособенно цѣнныхъ подарковъ. Разказъ о письмѣ императрицы, какъ Ранке старается доказать въ четвертомъ приложеніи къ своему сочиненію, въ разборѣ степени достовѣрности книги Дюкло (Duclos) „Histoire des causes de la guerre de 1756“, — ни болѣе ни менѣе, какъ легенда. Несомнѣнно, что министръ Маріи-Терезіи въ одномъ весьма известномъ для маркизы письмѣ 1756 года назваъ ее между прочимъ „любезнѣйшею женщиною во всемъ мірѣ“, и что дѣйствительно, при англійскомъ и французскомъ дворахъ ходили тогда слухи о письмѣ Маріи-Терезіи къ маркизу Помпадуръ, въ которомъ послѣдняя была названа „sa cousine“; но во первыхъ, такого письма не существуетъ въ архивахъ, и во вторыхъ же, Марія-Терезія въ частномъ письмѣ къ курфирстинѣ Саксонской Маріи-Антоніи, въ которомъ она безъ сомнѣнія была совершенно откровенною, говоритъ, что слухъ насчетъ этого письма лишенъ всякаго основанія ¹⁾. Впрочемъ вопросъ, о томъ, писала ли

¹⁾ Подлинникъ письма Маріи-Терезіи къ Маріи-Антоніи находится въ Дрезденскомъ архивѣ. Это письмо опубликовано впрочемъ уже въ 1857 году завѣдывающимъ Дрезденскимъ архивомъ г. Веберомъ. Также и Фицгумъ, въ своемъ сочиненіи *Geheimnisse des sachsichen Cabinets* I. 338 (1866), указываетъ на это письмо.

сама Марія-Терезія такое письмо, или не писала, не можетъ считаться особенно важнымъ. Нельзя отрицать того, что маркиза Помпадуръ въ переговорахъ между Австріей и Франціей о составленіи коалиціи играла весьма важную роль противъ Фридриха Великаго, и что австрійскіе дипломаты при французскомъ кабинетѣ достигли своей цѣли не иначе какъ при помощи личнаго содѣйствія и вліянія маркизы, чрезъ которую графъ Штарембергъ дѣйствовалъ на короля, и посредничество которой имъ было въ послѣдствіи названо столько же полезнымъ, сколько необходимымъ.

Рѣшеніе французскаго кабинета, противорѣчившее ко всѣмъ преданіямъ и прежнимъ интересамъ Франціи, вступить въ тѣсную дружбу съ Австріей имѣло большое вліяніе на характеръ событій, слѣдующихъ за этимъ десятилѣтіемъ. Такъ, на примѣръ, союзъ Австріи съ Франціей значительно измѣнилъ образъ дѣйствій послѣдней въ отношеніи къ Польшѣ и Турціи. Союзъ Франціи съ Австріей не дозволялъ Франціи препятствовать раздѣламъ Польши, пользовавшейся до того покровительствомъ Франціи. Со времени Франциска I, поддержаніе Турціи противъ Австріи считалось однимъ изъ важнѣйшихъ правилъ внѣшней политики Франціи. Теперь же нужно было отказаться отъ такого союза съ Оттоманскою Портою. Такимъ образомъ, во всѣхъ почти европейскихъ дѣлахъ совершилась перемѣна чрезъ союзъ Австріи съ Франціей. Прежнія условія сохраненія политическаго равновѣсія въ Европѣ уступили мѣсто совершенно новымъ.

Любопытно то обстоятельство, что въ то самое время, когда при дворѣ Людовика XV лишь весьма немногія лица, а именно маркиза Помпадуръ и аббатъ Берни были сторонниками Австрійскаго союза, да тернъ Парижская выходила изъ себя отъ радости при торжественномъ объявленіи Версальскаго договора, болѣе опытные и осторожные государственные люди, какъ на примѣръ, маркизъ д'Аржансонъ и другіе представители старой дипломатической школы желали сохраненія тѣсной связи съ Пруссіей и не ожидали особенныхъ выгодъ отъ новой коалиціи съ Австріей.

Вступая въ союзъ съ Австріей, Франція въ отношеніи къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ внѣшней политики, а именно въ отношеніи къ австрійскимъ (прежде испанскимъ) Нидерландамъ, впала въ довольно странное противорѣчіе. Нидерланды въ продолженіи вѣковъ были яблокомъ раздора между Франціей и Габсбургцами. Теперь же Франція, состоя въ тѣсной дружбѣ съ Австріей, по настоящему, не имѣла возможности помогать присоединенію этой области къ Фран-

ціи. Между тѣмъ именно въ это время Франція въ довольно рѣшительномъ тонѣ требовала отъ Австріи уступки Нидерландовъ въ томъ случаѣ, если Силезія будетъ ей возвращена при помощи французскаго оружія. Въ отношеніи къ этому предложенію Ранке открылъ въ Вѣнскомъ архивѣ весьма важные документы. Изъ этихъ бумагъ видно, что Австрія нискоимъ образомъ не хотѣла согласиться на такую капитальную уступку. За то Вѣнскимъ кабинетомъ было сдѣлано другое предложеніе, по которому Нидерланды, въ случаѣ приобрѣтенія вновь Австріей Силезіи, должны были образовать самостоятельное государство, подъ управленіемъ принца изъ Бурбоновъ на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на которыхъ эти провинціи принадлежали прежде Австріи. Все это однако обусловливалось самымъ энергичнымъ содѣйствіемъ Франціи къ отнятію Силезіи у Фридриха. Франція, въ свою очередь, не считала для себя выгоднымъ содѣйствовать къ образованію у самой границы французской самостоятельнаго государства, которое въ послѣдствіи легко могло въ союзѣ съ Голландіей, Англіей или Австріей дѣйствовать въ ущербъ интересамъ Франціи.

Именно въ это время возобновилась вражда между Франціей и Англіей. Уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ шелъ споръ между этими державами относительно американскихъ владѣній. Французы старались распространить свои владѣнія въ Америкѣ. Англичане препятствовали такому расширенію французской территоріи. Вопросъ о томъ, кому — Англичанамъ или Французамъ суждено приобрѣсти главное значеніе въ Америкѣ, долженъ былъ рѣшиться отчасти при помощи союза Англіи съ Фридрихомъ Великимъ. Преобладаніемъ Франціи въ Европѣ обусловливалось и ея торжество въ Америкѣ. Удары, нанесенные Пруссаками Французамъ въ Семилѣтней войнѣ, отозвались и за океаномъ.

Франція мечтала о важныхъ предпріятіяхъ, хотѣла завладѣть Корсикой и вытѣснить Англичанъ изъ Средиземнаго моря. Французскому полководцу маршалу Ришельё удалось занять крѣпость Св. Филиппа и портъ Магонъ на островѣ Миноркѣ; Французы уже надѣялись на отнятіе у Англичанъ Гибралтарской крѣпости. Наконецъ былъ составленъ планъ высадить 60.000 войска подъ командою маршала Веллиа (Belleisle) въ самой Англіи.

Эти предположенія вскорѣ сдѣлались извѣстными въ Англіи, которая невольно должна была при такихъ обстоятельствахъ надѣяться на союзъ съ Пруссіей. Послѣдній вполне соответствовалъ историческимъ преданіямъ обоихъ государствъ. Не разъ до того тѣсная дружба

между Англіей и Пруссіей оказалась полезною для ихъ интересовъ. Такъ, наприимѣръ, коалиція между Фридрихомъ - Вильгельмомъ, великимъ курфирстомъ и Вильгельмомъ III предохранила Европу отъ чрезвычайнаго перевѣса Франціи. Съ тѣхъ поръ къ существовавшимъ уже поводамъ сближенія Англіи съ Пруссіею присоединился еще одинъ. Между Ганноверскою областю и Англіей существовала династическая связь. Поэтому Англія столько же какъ и Пруссія должна была желать препятствовать вторженію Французовъ въ предѣлы Германіи.

Дѣйствительно, въ послѣднее время до 1756 года существовали довольно близкія отношенія между Англіей и противниками Пруссіи, то-есть, Австріей и Россіей. Въ сочиненіи Ранке подробно излагаются условія постепеннаго ослабленія этихъ отношеній. Австрія болѣе и болѣе должна была убѣдиться въ томъ, что Англія не поможетъ ей приобрести Силезію. Этой цѣли гораздо легче можно было достигнуть путемъ заключенія союза съ Франціей. Въ то самое время, когда Марія-Терезія и Кауницъ старались сблизиться съ французскимъ кабинетомъ, отношенія между Фридрихомъ Великимъ и Франціей становились все болѣе и болѣе равнодушными, и наконецъ, враждебными. Во Франціи считали короля Прусскаго какъ-бы неравноправнымъ съ другими представителями первоклассныхъ державъ. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ Франція иногда давала чувствовать Фридриху, что его считаютъ не болѣе какъ второстепеннымъ государемъ. Такой образъ дѣйствій не могъ не оскорблять короля, имѣвшаго весьма высокое понятіе о своемъ собственномъ достоинствѣ, и не могъ не заставлять его искать союза съ Англіей.

Въ Англіи между тѣмъ общественное мнѣніе не благопріятствовало союзу съ Австріей. Марію-Терезію тамъ называли неблагодарною союзницей. Англія истратила большія суммы денегъ для того, чтобъ обезпечить въ первое время ея царствованія цѣлость ея государства. Теперь же Марія-Терезія была готова сблизиться съ непримиримымъ врагомъ Англіи, съ Франціей. Англійская публика громко осуждала образъ дѣйствій государыни, къ тому же еще столь ревностно защищавшей интересы ненавистнаго для Англичанъ католицизма. Въ противоположность къ такому нерасположенію Англичанъ къ Маріи-Терезіи развивалось въ нихъ уваженіе къ Фридриху. Отчасти чрезъ короля Прусскаго въ Англіи узнали о враждебныхъ намереніяхъ Франціи. Фридрихъ сообщилъ Англичанамъ свои соображенія о томъ, какимъ образомъ Англія лучше всего могла

бы препятствовать высадкѣ французскихъ войскъ. Онъ же сдѣлалъ предложеніе соединиться съ Оттоманскою Портою противъ Австріи и Россіи. Всѣ совѣты и сообщенія Фридриха были приняты въ Англіи съ особеннымъ сочувствіемъ. Главный министръ въ Англіи Ньюкастль (Newcastle) замѣтилъ однажды, что мысли Прусскаго короля будутъ служить ему руководствомъ, и что онъ, не смотря на прежнее сочувствіе къ Австріи, сдѣлался настоящимъ Пруссакомъ. Отнынѣ, такъ говорили въ Англіи, Пруссія останется точкой опоры для поддержанія авторитета Англіи на континентѣ. Чѣмъ рѣшительнѣе въ это время измѣнились отношенія между Англіей и Россіей, чѣмъ равнодушнѣе Англія могла смотрѣть на усиленіе значенія Пруссіи въ Германіи, тѣмъ легче Сентъ-Джемскій кабинетъ могъ соединиться съ Пруссіей.

Дѣйствительно, послѣдняя держава могла считаться надеждою Германіи. Нельзя отрицать, что Пруссія, соединяясь съ Англіей противъ попытки Французовъ вторгнуться въ предѣлы Германіи, дѣйствовала сообразно съ духомъ обще-германскихъ интересовъ. Именно въ этомъ отношеніи расходились цѣли австрійской и прусской политики. Австрія всегда была готова жертвовать германскими интересами въ пользу габсбургскихъ; Пруссія, напротивъ, уже по своему географическому положенію, защищая себя, защищала Германію. Въ этомъ обстоятельствѣ, замѣчаетъ Ранке (на стр. 120), заключается начало прусско-германской политической идеи, пріобрѣвшей столь великую силу въ послѣдствіи. Австрія была космополитическою державою, Пруссія сохраняла нѣмецкій характеръ. Австрія уже чрезъ свои отношенія къ Нидерландамъ и къ Италіи довольно часто была принуждена не обращать вниманія на германскіе интересы, и отказываясь отъ союза съ Англіей, ничего не имѣла противъ появленія Французовъ въ Ганноверѣ; Пруссія, напротивъ, никогда не могла желать вторженія Французовъ или Русскихъ въ германскіе предѣлы. Австрія, забывая свои обязанности въ отношеніи къ Германской имперіи, старалась обезпечить величіе своей династіи. Пруссія, будущій центръ Германской имперіи, уже въ 1756 году особенное обращала вниманіе на національные интересы. На этотъ счетъ довольно любопытно слѣдующее обстоятельство. Въ проектѣ договора между Англіей и Пруссіей было употреблено выраженіе „Германская имперія“. Фридрихъ замѣнилъ это выраженіе словомъ „Германія“, считая послѣднее при тогдашнихъ обстоятельствахъ болѣе точнымъ, опредѣленнымъ. Ранке при этомъ случаѣ замѣчаетъ (на стр. 89): „Вопросъ объ отно-